

моста. Овладев мостовой башней, враги убили там всех, кого встретили, и никто не спас жизни, кроме предводителя, которого мы нашли после окончания осады в цепях. На следующий день войско язычников, двинувшись далее, приблизилось к городу и устроило лагерь между двух рек; два дня неприятель оставался на том месте. После того Кербога призвал к себе одного из своих начальников, известного ему за свою искренность, добродушие и миролюбие, и сказал ему: «Я желаю, чтобы ты с полной преданностью взял на себя охрану этого лагеря, ибо я издавна знаю тебя как самого верного человека и потому прошу весьма заботливо охранять наши укрепления; считая же тебя притом и весьма благоразумным, я убежден, что не найду другого, который был бы откровеннее и отважнее тебя». Начальник отвечал: «Я никогда не желал бы взять на себя такого поручения; но так как ты сам побуждаешь меня к тому, то знай, что если франки разобьют вас в смертоносном бою и победят, то я немедленно сдам им лагерь». «Я считаю тебя столь честным и благоразумным, – возразил Кербога, – что вперед олобрю все, что бы ты ни сделал хорошего». Когда Кербога возвратился к своему войску, турки, осмеивая франков, показали ему какой-то пегодный меч, покрытый ржавчиной, дрянной деревянный лук и весьма плохое копье, отнятые ими на днях у какого-то бедного пилигрима, и говорили при этом: «Вот те блестящие и грозные оружия, с которыми христиане выступили против нас в Азии; ими рассчитывают они загнать нас за пределы Хоросана и стереть паше имя за Амазонскими реками; ими они изгнали наших родичей из Романии и царского города Аптиохии, уважаемой столицы всей Сирии». Тогда Кербога призвал к себе своего верного секретаря и сказал ему: «Пиши сейчас несколько грамот, чтобы их прочли в Хоросане, и именно следующим образом:

“Нашему апостолическому калифу и нашему государю султану, храброму воеводу, и всем мудрым воинам Хорозана поклон и великое почтение!

Да будут они веселы и радостны в счастливом согласии, пусть кушают на здоро-

вье, живут в изобилии и роскоши, повелевая и управляя всей страной, пусть радуются тому, что они родили себе сынов, которые храбро сражаются с христианами, и да примут сии три оружия, отнятые нами у франков; из этого можно заключить, каковы те средства, с которыми враги пришли на нас, и как они хороши и надежны. О, сражайтесь против нашего вооружения, раскрашенного двумя, тремя и даже четырьмя цветами, с насечками золотыми и серебряными! Пусть знают все наши, что я держу франков запертыми в Антиохии, а мой лагерь совершенно свободен, они же сидят в городе: все они теперь в моих руках, и будут преданы смерти или отведены пленниками в Хоросан за то, что угрожают изгнать нас своим оружием и откинуть от границ, далеко за пределы Верхней Иудеи, как они выпнали наших родичей из Романии или Сирии. Кляпуть Магометом и имеем всех богов, я не возвращусь к вам, прежде чем своей десницей не овладею царским городом Аптиохией, всей Сирией, или Романией, и Булгарией до самой Апулии, к чести богов и славе как вашей, так и всего народа турок!”»

Этим он заключил продиктованное.

XXII. В это время явилась к Кербоге мать его, проживавшая в Алеппо, и говорила ему со слезами: «Справедливо ли все то, что я слышала?» – «Что такое?» – спросил Кербога. – «Я слышала, что ты намерен вступить в сражение с франками», продолжала она. – «Это совершенная правда», – отвечал Кербога. – «Умоляю тебя, сын, – воскликнула мать, – именем всех богов и твоим добрым сердцем, не веди войны с франками. Конечно, ты воин непобедимый, и я никогда не слыхала ничего дурного ни о тебе, ни о твоём войске; никто не видал, чтобы ты обращался в бегство, оставив лагерь. Слава твоего воинства известна, и осторожный враг бежит, заслышав твоё имя. Мы хорошо знаем, мой сын, что ты могуществен, отважен и сведущ в военном деле; никакой народ, ни христианский, ни языческий, не может сохратить доблести при виде тебя; бегут при одном твоём имени, как бегут овцы перед разъяренным львом. И тем не менее умоляю тебя, возлюбленный сын,